

В СЕКРЕТНОМ ОКОПЕ

Два комсомольца жили в окопе. Окоп находился за линией границы. Граница проходила по просеке на перешейке, где полуостров Ханко соединяется с материком.

Позади окопа — колючая проволока. У проволоки — наш пограничный столб. За пограничным столбом — сосновая роща, такая же, как в Отдыхе под Москвой. Из рощи выходят шоссе и железная дорога.

До войны из городка Гангэ ежедневно уходил поезд дальнего следования. Последняя на полуострове станция — Лапвик. Поезд пересекал просеку и останавливался уже в Финляндии, у станции Таммисаари. Отсюда через Хельсинки он шел к Выборгу и дальше к Ленинграду.

Последний поезд ушел с Ханко в первый день войны. Этот последний поезд принес в Ленинград много цветов — цветы бросали в вагоны ночью, когда он проходил по Финляндии.

В ту ночь по перешейку протянулись ряды колючей проволоки. За проволокой стали воздвигать полевые укрепления. Саперы строили блиндажи и окопы.

Вперед, за проволоку, на этот песчаный перешеек, поливаемый огнем с двух сторон, гангутцы вынесли наблюдательный пункт. Окоп трудно заметить врагу. Сверху посмотришь — груда камней, тут всюду на перешейке нагромождение гранита. Над камнями — в беспорядке кустарник и сучья. Нельзя же под каждой веткой подозревать людей!

Камни скрывали бревенчатый накат. Сквозь бревна в глубокую яму проникал свет. Днем видно кусочек солнца. Ночью в яму смотрят звезды. Яма тесна — два метра на метр. Сырая земля посыпана песочком с берега. На песке — пара досок и солома. Поверх соломы — две красноармейские шинели: одна — Петра Сокура, другая — Николая Андриенко.

Ветками скрыта узкая амбразура. В амбразуру всегда смотрели два глаза: то черные — Сокура, то серые — его товарища. Они следили за врагом, за той стороной.

На той стороне тоже проволока, и перед нею заложенные мины. За проволокой — высокая скала. У скалы стояло одинокое дерево.

Два наблюдателя жили в окопе уже неделю. Они изучили в подробности землю перед окопом. Их мозг фотографически запечатлел даже углубления в скале. Они знали, где какой камень лежит. Они видели появлявшихся у границы финских солдат и офицеров. Многим из них они уже дали клички и имена. Любая перемена за финской проволокойстораживала их внимание.

За ночь на дереве у скалы как будто гуще стала крона. Шапка тощей лиственницы выглядела подозрительно пышной.

— Кукушку посадили, — сказал Сокур товарищу, — будет куковать. Доложи командиру.

— Тут и полпатрона хватило бы, — тоскливо сказал Андриенко, докладывая по телефону о финском автоматчике. — Может, разрешите, товарищ командир?

Телефон что-то захрипел. Сокур строго глянул на товарища: зачем возвращаться к уже решенному делу! Нельзя же стрелять из секретного окопа.

В кроне дерева вспышки. «Кукушка» постреливала, и пули по-свистывали над секретным окопом. Сокур терпел и не трогал «кукушку».

Он знал свою службу, свой долг: сиди, смотри, замечай и докладывай.

— Петро, — говорил ему иногда Андриенко, — на войне мы или в учебной роте? Кругом стреляют, а мы за две недели патрона не потратили. В тире и то лучше.

Сокуру не по душе была эта позиция. Действительно, на войне, в самом пекле, а как будто вне войны. Но товарищу он отвечал:

— На охоте я бывало целую ночь на болоте вылеживаю, чтобы не спугнуть птицу. В костях ломит — и то молчу. А тут не охота, Микола, тут война. Можно и не такое потерпеть.

Сокур редко уходил из окопа. К лесу вела узкая канава — по ней был протянут телефонный провод. Сверху канаву прикрыли ветками, чтобы финны не обнаружили движения. Под ветками можно было пройти согнувшись.

Сокуру приходилось ползти: сапер Репня сделал канаву не по его росту.

Сокур вытягивал в канаве свое длинное тело и полз. В колючей проволоке он знал безопасный проход. За проволокой залезет и встанет у дерева. Посмотрит оттуда на финскую сторону, на свой окоп — и кажется странным: отчего это финны его окоп не замечают? Ведь вот он, под теми камешками. Но врагам секрет этот невдомек. Все камни для них одинаковы.

Сокур уходил лесом к ротным блиндажам. Доложит бывало командиру о своем прибытии и уходит к пулеметным гнездам. Там ждут прихода Петра Сокура. В каждом гнезде есть у него друзья.

Сокур — комсомольский секретарь. А вся рота — коммунисты и комсомольцы.

Потом Сокур возвращается к своему товарищу и сменяет его у амбразуры.

Два комсомольца несли тяжелую службу. День и ночь следили они за врагом. Они приучили себя к молчанию, смирились с невольной тишиной.

Бывало возникнет у них острое желание песню запеть, закричать изо всех сил. Желание, разумеется, неисполнимое, и потому, быть может, оно становилось жгучим и неутоленным.

Ночью в окоп заходили гости. И те больше молчали — разговаривать тут не стоило: на той стороне могли услышать.

Политрук Кузьмин молча протягивал Сокуру листок: в нем все новости из последнего номера газеты.

Комвзвода Емельянов шопотом говорил:

— Исайчев вчера снял у проволоки финна. С тысячи метров, между прочим.

И как будто тут же об этом забывал.

Сокур понимал, к чему этот разговор. Комвзвода нарочно говорил о конкуренте: Сокур тоже снайпер, у него свой снайперский счет. Но что поделаешь, если из этой ямы нельзя стрелять!

Он лениво осведомился, какой счет Исайчева.

Комвзвода ответил:

— Двадцать. До него двух вам нехватает, товарищ Сокур.

Посмотреть со стороны, — кажется, Сокур не обратил на это внимания. Он лишь тихо заметил командиру, что на той стороне погустела крона дерева.

— Андриенко жалуется, что стрелять не разрешаете, — с усмешкой сказал Сокур. — Неприятно смотреть, как кукушка безнаказанно действует.

— Дело ваше, — ответил Емельянов, — только отсюда все равно стрелять не разрешаю. Пожалуйста, из любого места.

Они уходили из окопа, политрук и комвзвода, а Сокур и Андриенко оставались.

И долго тянулась напряженная ночь.

Утром в окоп приходил Мандебура. Роста он маленького, канава ему нипочем, идет — почти не сгибается.

Мандебура приносил котелок с борщом и манерку с кашей.

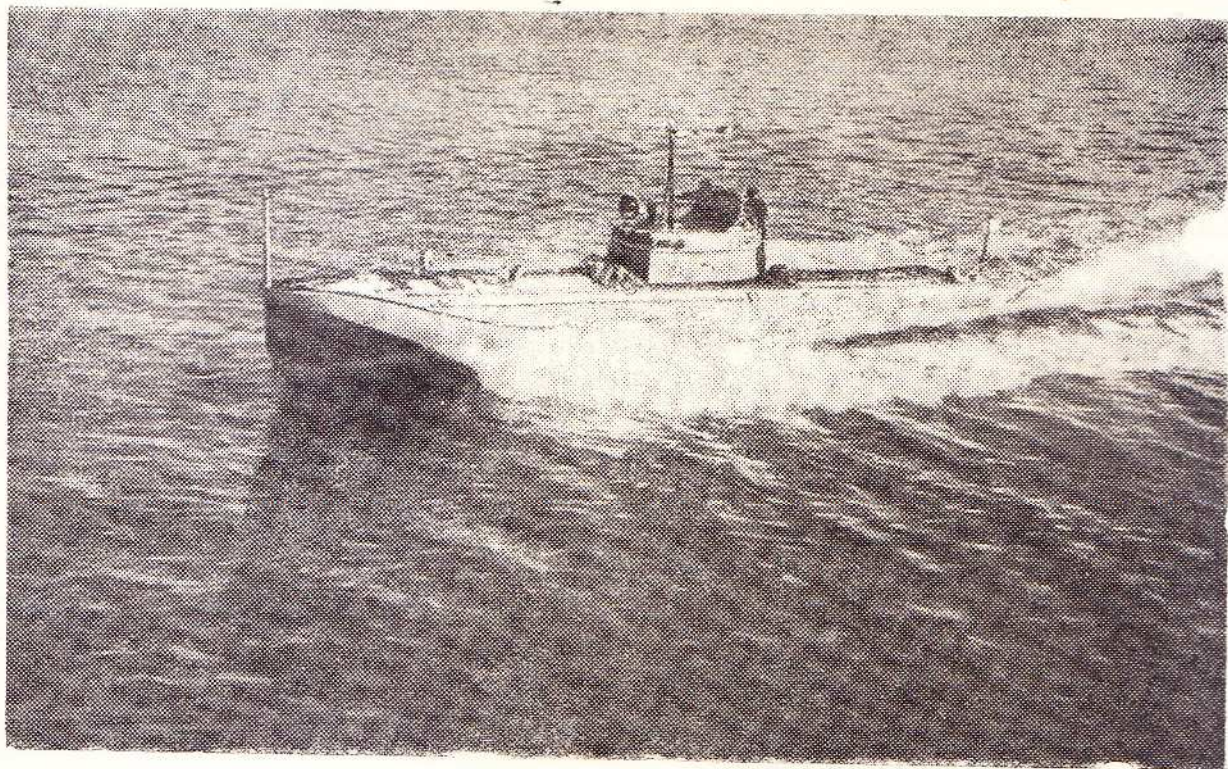
В это утро Мандебура запоздал. Капли пота выступили на его красном лице.

— Что ты сегодня красный, как бурак? — спросил его Сокур.

Мандебура молча передал бойцам кашу и флотский борщ.

Обедали по очереди. Кончил Андриенко, взялся за борщ Сокур. Мандебура все кряхтел что-то и не выдержал:

— Петро Трофимович, я не хотел вам аппетита портить. Думал, что сегодня вы будете без борща и без Мандебуры. Та погана финска собака, що на дереве под скалой, стреляет и стреляет.

В боевой рейс!

Это уже сверх всякого терпения.

Сокур передал котелок Мандебуре.

— Подержи маленько борщ, я мигом вернусь.

Он взял снайперскую винтовку и пополз по канаве из окопа в лес. Осторожно вылез на шоссе. Быстро по-пластунски пересек его. Тихонько подтянулся к железнодорожной насыпи. Под насыпью лег на живот и стал смотреть в оптический прибор.

До скалы отсюда дальше, чем из окопа. Но дерево хорошо видно. Крона на нем попрежнему густа.

Сокур прищурился, взгляделся в стеклышко прицела...

И крона на дереве снова обеднела.

Тем же путем он вернулся в окоп.

Мандебура смотрел на него с восхищением.

— Вот борщ остыл, Петро Трофимович.— Мандебура подал снайперу остывший котелок. — Мы с Андриенко видели, как он покатился под скалу, финик этот.

Борщ остыл — это, конечно, плохо. Флотский борщ хорош «с дымом». Можно было съесть борщ, а потом заниматься делом. Немного, пожалуй, погорячился.

Сокур ворчал и ел остывший борщ.

В ту ночь Сокур гостей не принимал: он был занят важным делом. В окопе остался один Андриенко. Сокур снова пополз к лесу, к железной дороге. Оттуда он резко свернул к границе. Неслышно пересек

снайпер «ничейную» землю. Андриенко через амбразуру всматривался, но и он не заметил ничего подозрительного.

«Хитро робит, — подумал Андриенко. — С этим хлопцем не пропадешь».

Сокур подполз к скале. Под деревом ничком лежал финн, сбитый Сокуром. Враги побоялись днем притти за трупом, но могут пожаловать ночью.

Сокур снял с финна автомат, пистолет и набрал полную каску разрывных патронов. С этими трофеями он повернул назад. Дополз до шоссе, лег на камнях, ожидая, что будет. Не ночью, так под утро, но притти должны.

Перед рассветом у скалы — движение. Сокур выстрелил в темноту у скалы.

Короткий захлебнувшийся крик подсказал Сокуру, что снайперский счет сравнялся: Сокур догнал Исайчева.

Однажды Сокур ушел в тыл — за газетами и поговорить с комсомольцами по разным делам.

В блиндаже его встретил Мандебура.

— Кипяток у нас есть, — обрадовал Мандебура, — можем баню устроить, Петро Трофимович.

Сокур стал мыться горячей водой. Но Мандебура опять не вытерпел.

— Петро Трофимович, — сказал он Сокуру, — против нашей точки десять финнов ходят. Я так думаю, не сегодня — завтра вы Мандебуру не увидите. Кто же вам борщ принесет? Поглядели бы в свою оптику.

Сокур поскорее кончил баню и вышел на высотку. Он залег за сосной и стал наблюдать.

За проволокой, действительно, находились финны. Только не десять, а всего трое. Сокур снял их по одному — вот это война!

Он вернулся и сказал Мандебуре:

— Ночью ползи за оружием. Чтобы все забрать. Это мой личный подарок тебе. Не заберешь — борща больше не носи.

И снова Сокур пошел в свой окоп.

Два комсомольца жили в окопе. Жили за проволокой рядом с врагом. Все, что замечали, докладывали командиру.

Второй день у финнов суета. На станции Таммисаари дымят паровозы. У границы скопляются эшелоны с войсками. Ходят офицеры в незнакомой форме.

— Кто такие? — спросил Андриенко.

— Немцы, — ответил Сокур. — Отец про них мне рассказывал. Были на Украине в восемнадцатом году, в нашем Тростянецком районе. Идем бывало с отцом на базар по Демковке — обязательно надо мост перейти. Как к мосту подходим, отец говорит: «Вот тут моя кровь, здесь немец меня ранил». Раз сорок, а то и больше говорил он мне это. Никак не мог старик забыть.

Немцы смотрели на просеку в бинокли. Они искали за маскировкой гангутские пулеметы.

Стекла бинокля уставились в окоп. На мгновение — они против амбразуры, но бинокль медленно повернулся в сторону. Наблюдатель ничего не увидел под грудой камней.

Два комсомольца сидели в окопе. Светлая ночь стояла над границей. В щели между бревен смотрело бледное небо.

У амбразуры дежурил Петр Сокур.

Николай Андриенко лег на шинель.

Он лежал на спине и смотрел сквозь бревна рассеянным взглядом. Он считал звезды, что видны в щелях. Промеж средних бревен — двенадцать звезд. В щели над головой — одна крупная.

— Петро, — сказал он тихо, — а на Украине звезды такие же?

— На Украине крупнее, — рассмеялся Сокур. — Неужели, Микола, ты думаешь, что над Ханко другие звезды подвешены?

Петро отвечал Миколе иронически — всегда его друг любит почудить.

Петро смотрел в амбразуру и думал о родной Украине. Странная тут местность, в этой Финляндии! Нет ни рек, ни степной травы. Будто все переломано гремучим штормом, навалено одно на другое. Украина — та куда лучше. На Украине хорошие песни поют. Только сейчас в Демковке тоже не поют, там немцы стоят. Да цела ли Дем-

Гранитная расщелина — снайперская позиция Григория Исакова. Доблестный защитник Ханко Исаков истребил 118 фашистов. Тут, на советском Гангуте, молодой краснофлотец вступил в комсомол.

Фото В. Рудного

ковка-то? Может, сожгли, как жгут они всю Украину? И писем оттуда давно нет.

Тихо над просекой на узком перешейке. Тихо, как до войны. Ветер упрятался куда-то в небеса. Только с залива, с двух сторон, шелестит волна.

И Андриенко что-то бормочет про звезды.

Увидел Сокур на перешейке тени — семь сломанных теней падали от скалы.

— Довольно про звезды, — толкнул он ногой товарища. — Доложи командиру: вижу семерых разведчиков.

— Семеро разведчиков у финской проволоки, — тихо сказал в телефон Николай Андриенко.

— Хорошо, — ответил комвзвода Емельянов. — Пропустить свободно, продолжать наблюдение.

Забыты звезды и далекая Украина. Забыты все лишние, праздные думы. Два комсомольца насторожились в окопе. Четыре глаза глядят в амбразуру: два черных — Сокура, два серых — его товарища.

Затишье над просекой лопнуло грохотом. Земля за окопом вздыбилась от взрыва. Упала высокая сосна в лесу.

На финской стороне горели зарницы. Снаряды рубили за просекой лес. Мины летели с визгом и рвали проволоку.

— Держитесь спокойно, — говорил из телефона голос Емельянова. — Продолжайте наблюдение и себя не обнаруживайте.

На камнях разорвались фосфористые мины. Слепящим каскадом они вспыхнули вдоль границы. Горел кустарник и сучья, длинной лентой огонь разливался по всему перешейку. Финны расчищали пространство перед проволокой.

Два комсомольца таились в окопе. Над окопом в один ряд лежали бревна. Над бревнами в беспорядке набросан камень. На камнях трещал подожженный хворост. Два комсомольца сидели в огне. Огонь не мешал им исполнять свой долг.

Сокур и Андриенко посмотрели вверх.

Дым затуманил звезды на небе. Душно и горько стало дышать в окопе.

Бойцы глотали дым. Они задыхались и вытирали слезы на глазах.

— Выкуривают, — говорил сквозь зубы Андриенко.

— Не выкурят, — шептал Сокур.

Над амбразурой горела маскировка. Желтое пламя застилало кругозор. Грохотали орудия. У границы началось сражение.

Звуки разрывов ушли далеко в глубь леса. Финские снаряды летели за просеку на полуостров. На границе трещали автоматы и пулеметы.

Хворост над окопом догорал. Дымились камни, пламя стихало. В окоп шел чистый, свежий воздух.

Два комсомольца продолжали наблюдение.

Сгорел весь хворост и обнажил амбразуру. Сокур и Андриенко увидели финских солдат, они бежали к просеке.

— Два взвода финнов, — доложил Сокур по телефону. — Маскировка над окопом сгорела. Будем держаться и вести оборону. Разрешите в случае надобности стрелять?

— Разрешаю, — ответил Емельянов.

Тут в амбразуру брызнула земля. Финны бросили к окопу мину. Два наблюдателя видели теперь только небо над собой и узкий проход к лесу, в тыл.

Сокур сбросил с доски шинель. Доской он стал буравить амбразуру. Снова впереди появился просвет.

Бледное небо светлело к утру. Сокур и Андриенко сидели в окопе. Окоп окружали финские стрелки.

Свободен остался только ход сообщения.

— Отходить не будем? — спросил Андриенко.

— Остаемся здесь, — ответил Сокур.

Два друга-бойца вышли из окопа.

— Закроем проход, — сказал Сокур: — могут пройти к нам по канаве.

Может, и не то хотел он сказать. Может, Сокуру хотелось закрыть этот последний путь отхода? Хмурый, он подтащил к канаве бревна. Бревно на бревно — и ход закрыт.

— Одни остались, — вздохнул Андриенко. — Может, помирать придется, Петро Трофимович.

— Поживем еще, друг, — ответил Сокур и впервые обнял юного товарища. — Жить, Микола, и мне хочется.

Никогда Микола не слышал такого ясного голоса. Никогда еще от слов не густели его серые глаза. Это прорвалось невольно. Тут же стал Сокур прежним — спокойным и деловым.

— Ты стой тут, у баррикады, и смотри по сторонам, — сказал он. — А я пойду в окоп и гляну в амбразуру.

Финны побежали в атаку мимо окопа. Гитлер дал им сроку всего три дня — за три дня захватить полуостров. Они спешили наступать.

Шум боя уходил в глубь леса. Фронт отдалялся от Сокура и Андриенко.

— Остались мы в тылу, — сказал Андриенко.

— Солнышко встанет — наши вернутся, — успокоил его Петр Сокур.

— Я тоже думаю, что наши вернутся, — согласился Микола Андриенко. — Сейчас наша артиллерия их встретит.

У скалы постукивал финский пулемет. Он прочесывал перешеек и просеку. По каске Андриенко рикошетом шлепнула пуля.

— Войди в окоп, — предложил Сокур.

Андриенко встал у выхода из окопа.

— У скалы справа крупнокалиберный, — сказал Сокур в телефон.

Над окопом визжали мины, свистели снаряды, рвалась шрапнель.

— Козлов стреляет! — обрадовался Андриенко. — Говорил я, что наша артиллерия сейчас их встретит. Теперь наши начнут наступать.

Зарницы горели уже не только в Финляндии. В лесу на полуострове тоже блистали огни выстрелов. Гангутская артиллерия вела огонь по врагу. Снаряды рвались на финской стороне.

Над окопом металась два встречных шквала.

— Финики, — мрачно фиксировал Андриенко полет снаряда с материка и поворачивал ухо в сторону леса.

— О це наши! — радостно восклицал он, когда из лесу вырвался встречный шквал.

Между скалой и окопом упал наш снаряд. Осколки зарылись в песок. Кусочки металла прошумели над наблюдателями.

— Метра бы на четыре правее, — сказал Петр Сокур, — как раз угодил бы в пулемет.

— Жаль, нельзя поправить. — Андриенко зло посмотрел на безмолвный аппарат.

Второй снаряд попал прямо в скалу. Металл и камень каскадом взметнулись над перешейком. Тощая лиственница полетела к заливу корнями вперед. Захлебнулся крупнокалиберный пулемет.

— Деревцо жаль, — заметил Сокур: — хороша была ловушка для финских кукушек.

Не было уже дерева у скалы. Там оседало поднятое взрывом облако.

В окопе вдруг сразу стемнело. Исчезло небо в просвете бревен. Что-то наглухо прикрыло щели.

Над головой застучал автомат.

— Финн! — взволнованно шепнул Андриенко и схватил Сокура за руку. — Петро, финн над нами!

— Следи за тылом, — прошептал Сокур. — Я его сейчас из зенитки.

Он лег на спину и к животу прижал приклад. Короткая очередь стеганула по бревнам. Сокур вновь увидел в щели над головой чистое небо.

Финны уже не очень спешили наступать. Гангутская артиллерия была крепко. Финны пытались закрепиться на перешейке и решили уничтожить окоп Сокура. Им мешало это препятствие в тылу. Они снова взяли окоп в кольцо.

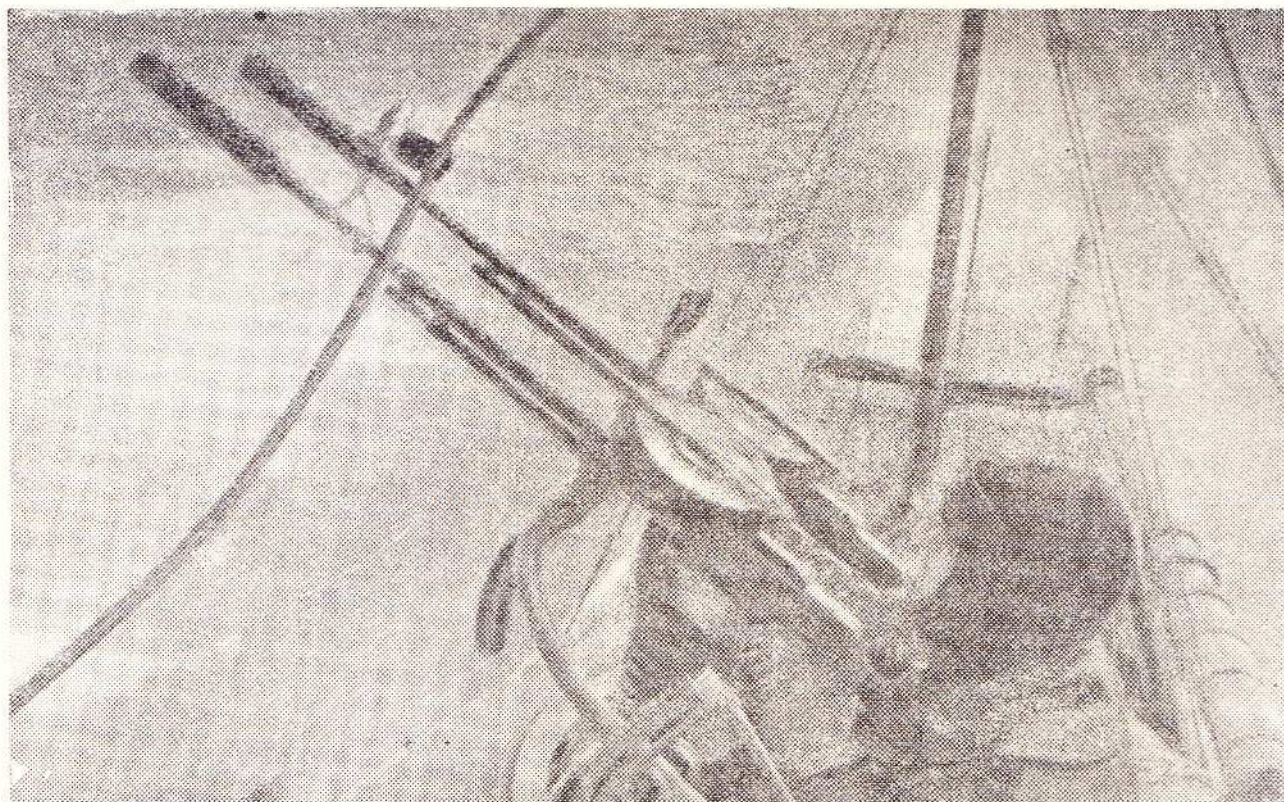
По ходу сообщения бежали трое. Один — в офицерской форме — катил впереди себя станковый пулемет, двое — в солдатских шинелях — с автоматами.

У комсомольцев остались только две гранаты и пистолет. Патроны в дисках автоматов были на исходе.

— Доставай лопатки, — приказал Сокур: — будем отбиваться лопатками.

Андриенко приготовил две саперные лопатки.

Офицер дал очередь из станкового пулемета по баррикаде. Финны осторожно приближались к скопу. Пулеметом и автоматами они прощупывали темный лаз окопа.

На торпедном катере в боевом дозоре. У пулемета боцман П. И. Алексеев.

Сокур и Андриенко плотно прижались друг к другу. Они не отвечали, будто уж тут их нет в живых.

— Трех бояться не будем, Петро, — шепнул Андриенко.

— В плен возьмем, — ответил Сокур.

Финны подошли к баррикаде вплотную. Тогда Сокур поднялся во весь рост, вскинул над головой гранату и неожиданно загрохотал:

— Ложись!..

Война гремела над перешейком. Пули свистали, снаряды рвались. Но возглас тиганта перекрыл войну, и грозную решимость почувствовал в нем враг. Этот огромный русский не шутит. Если не подчиниться, он бросит гранату под себя. Он погибнет вместе с ними.

Двое тут же пали наземь перед баррикадой.

Третий — офицер с пулеметом — крикнул по-русски:

— Огонь! — но сам страшился открыть огонь.

Петро Сокур охотно исполнил его команду. Лево́й рукой выстрелил в офицера из пистолета. Он не хотел его убивать — он ранил его и положил рядом с солдатами.

— Так-то лучше, — сказал Сокур, — будет трое пленных. А ну, перевернуться на спину!

Финны как будто не поняли приказа: не знают, мол, русского языка.

— Микола, переведи-ка им на финский!

Андриенко угрожающе поднял автомат. У автомата был пустой диск, но финны, увидев зловещий ствол, тут же уразумели, что от них требуют: легли на спину.

Сокур просунул руку сквозь бревна баррикады. Нащупав автоматы, он подтянул их к себе. Сокур хотел перетащить через баррикаду и станковый пулемет, но к окопу бежали еще четверо финнов.

Сокур и Андриенко легли у баррикады.

Между ними и финнами — два препятствия: одно — из бревен, другое — живое. Живая баррикада не шевелилась. Двойной огонь приковал финнов к земле.

Внезапно за баррикадой стало тихо. Наступавшие финны исчезли.

Кто-то бежал из лесу.

— Мандебура! — гремел над перешейком голос Емельянова. — Доставить мне Сокура с Андриенко живыми или мертвыми. До Хельсинок дойти, но чтобы были найдены!

— Так мы здесь, — громко произнес Сокур, он старался скрыть волнение. — У нас все в порядке. Есть пленные и трофеи.

К окопу бежали Емельянов и Мандебура.

— Петро Трофимович! — кричал Мандебура. — А мы думали, вы зовсим убитые.

— Осторожно, Мандебура, — предупредил Сокур, — тут по дороге кое-какое хозяйство дышит.

В канаве поднялись трое белофиннов — двое солдат и офицер. Вид у них был неказистый.

Сокур и Андриенко разгородили баррикаду. В окоп вошли бойцы их взвода.

Остальные взводы ушли вперед. Над просекой уже вставало утреннее солнце.

Мандебура насчитал возле окопа тринадцать убитых врагов.

— Наверху еще один — четырнадцатый. — Сокур показал на камни над окопом, где лежал убитый им автоматчик.

— Это его Петро из зенитки снял, — весело пояснил Микола Андриенко. — Лег на спину и стреляет вперед из ППД.

— А ты говорил, что в тире лучше, — усмехнулся Сокур. — Вот, брат, и дождался настоящей войны.

И Сокур повел пленных по канаве к лесу.